

А.И. Василенко*

**ДОЛГОЕ ЭХО КОНФЛИКТА:
ПАМЯТЬ О «ЧЕРНОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ» 1990-х ГОДОВ
В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ АЛЖИРА**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт востоковедения Российской академии наук»
107031, Москва, ул. Рождественка, 12*

Новейшая история Алжира не раз становилась предметом специального рассмотрения как в отечественных, так и в зарубежных международно-политических исследованиях. При этом в центре внимания ученых, как правило, оказывались либо перипетии развития внутривосточной ситуации в стране в последние годы, либо процессы постконфликтного восстановления, развернувшиеся на рубеже 1990–2000-х годов. Однако, как подчеркивает автор, для того чтобы приблизиться к пониманию динамики развития политических процессов в Алжире в настоящий момент, данные проблемы нельзя рассматривать в отрыве друг от друга. В статье предпринята попытка системно изучить роль травматичного опыта постконфликтного восстановления в формировании современной алжирской политической культуры.

Автор выделяет четыре периода новейшей истории Алжира, в каждый из которых проблема преодоления конфликтности получала специфическое наполнение. Сначала изучены первые шаги, предпринятые алжирским руководством в конце 1990-х — середине 2000-х годов для прекращения насилия и восстановления функционирования государственных органов. При этом автор отмечает, что алжирское правительство сочетало меры, направленные на установление диалога с оппозицией, с активным применением военной силы против радикальных исламистов. На втором этапе (вторая половина 2000-х годов) ключевой задачей власти стала консолидация общества, на третьем, начавшемся с «арабской весны», — недопущение революционного сценария и новой дестабилизации политической системы. Наконец, на четвертой стадии, обозначившейся массовыми протестами в 2019 г., элиты приложили все усилия, чтобы даже при быстрой смене политического режима были сохранены основы конституционного строя. Автор отмечает, что важную консолиди-

---

* *Василенко Анастасия Игоревна* — лаборант-исследователь Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН (e-mail: avasilenkan@gmail.com).

рующую роль при этом сыграло наличие в алжирском обществе живой памяти о гражданском конфликте, которая, с одной стороны, позволила удержать массовое протестное движение в мирном русле, а с другой — толкала элиты к проведению более гибкого курса и поиску компромиссов с оппозицией. Можно видеть, как наследие конфликта, несмотря на быстро меняющуюся политическую конъюнктуру в стране, оказывало прямое влияние на политический процесс. Даже перестав напрямую определять политическую повестку, оно все же предопределяло стратегии поведения как гражданского общества, так и элит.

Ключевые слова: Алжир, постконфликтное восстановление, миростроительство, историческая память, Северная Африка, «Арабское пробуждение».

Весна 2019 г. в вечно неспокойном регионе Ближнего Востока и Северной Африки ознаменовалась как минимум двумя событиями, заставившими многочисленных аналитиков¹ говорить о втором издании «Арабского пробуждения»: свержением политических режимов в Алжире² и Судане³. При всей любви политологов и экспертов к широким обобщениям приходится признать, что если алжирские события и сыграли демонстрационную роль для Судана на начальном этапе протестов, то далее ситуация в двух странах развивалась совершенно по-разному. Специфика

---

¹ Захаров А., Исаев Л. Куда идет вторая арабская весна // Ведомости. 22.04.2019. Доступ: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/04/21/799779-vtoraya-arabskaya-vesna> (дата обращения: 26.07.2019); Зотин А. Опять пришла «арабская весна» // Новая газета. 13.04.2019. Доступ: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/04/13/80214-opyat-prishla-arabskaya-vesna> (дата обращения: 26.07.2019); Строкань С. Арабская весна 2.0 // Коммерсантъ. 14.03.2019. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/3909022> (дата обращения: 26.07.2019); Ayooob M. Will the second Arab Spring go the way of the first? // Center for the National Interest. 20.04.2019. Available at: <https://nationalinterest.org/feature/will-second-arab-spring-go-way-first-53357> (accessed: 26.07.2019); England A. In Algeria and Sudan, a second Arab Spring is brewing // The Financial Times. 11.04.2019. Available at: <https://www.ft.com/content/f15e999c-5c32-11e9-9dde-7aedca0a081a> (accessed: 26.07.2019); Walsh N. 'Arab Spring 2.0' is a reboot full of bugs // CNN. 13.04.2019. Available at: <https://edition.cnn.com/2019/04/13/middleeast/npw-arab-spring-sudan-analysis-intl/index.html> (accessed: 26.07.2019).

² Светлова К. Без пятого срока. Почему «арабская весна» опоздала в Алжир на восемь лет // Московский центр Карнеги. 12.03.2019. Доступ: <https://carnegie.ru/commentary/78560> (дата обращения: 26.07.2019).

³ Беленькая М. Двойной переворот в юбилей переворота. Кто выиграл от смены власти в Судане // Московский центр Карнеги. 12.04.2019. Доступ: <https://carnegie.ru/commentary/78861> (дата обращения: 26.07.2019).

алжирских выступлений определялась не только конкретными обстоятельствами, сложившимися в государстве, но и всей современной политической культурой Алжира, сформировавшейся в значительной степени под влиянием конфликтного опыта 1990-х годов и последующего периода постконфликтного восстановления. Оценить этот опыт сегодня, понять, до какой степени он продолжает оказывать влияние на политический процесс, в чем это влияние заключается, представляется чрезвычайно важным.

В российской историографии тема постконфликтного восстановления до недавнего времени почти отсутствовала, и хотя в последние годы ситуация несколько изменилась, прежде всего в связи с событиями в Сирии [Бартенев, 2018]⁴, в общем и целом она остается все еще недостаточно изученной.

Иначе обстоит дело с исследованием алжирского «черного десятилетия», которому посвящено множество работ (например, А.И. Куприна [Куприн, 2004а, 2004б] и Б.В. Долгова [Долгов, 2004, 2009]). Политические и социально-экономические аспекты развития Алжирской Народной Демократической Республики (АНДР) анализируются в трудах Р.Г. Ланды [Ланда, 1998, 1999, 2001]. Особенности функционирования и развития политической системы Алжира рассматривают А.Г. Вирабов [Вирабов, 1996, 1998, 2001], Н.В. Мохов [Мохов, 2007, 2016], М.А. Сапронова [Сапронова, 1999]. При этом если А.Г. Вирабов акцентирует внимание на специфике либерализации общественно-политической системы, то Н.В. Мохов сосредотачивается на вопросах формирования алжирского национального государства и выявлении истоков его устойчивости, а М.А. Сапронова фокусируется на изучении конституционного процесса в сравнительной перспективе. Б.В. Долгов [Долгов, 2012, 2015] и Л.М. Исаев [Исаев, 2013] анализируют влияние «арабской весны» на развитие политической системы Алжира.

При всей важности указанных исследований обращает на себя внимание тот факт, что современный политический процесс рассматривается в них вне всякой связи с вопросами постконфликтного восстановления, долгое время не привлекавшими никакого исследовательского внимания.

---

⁴Бартенев В.И. Восстановление Сирии. С чего начать? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 21.02.2019. Доступ: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/s-chego-nachat/> (дата обращения: 23.06.2019).

Между тем в зарубежной историографии сложилась противоположная ситуация: постконфликтное восстановление рассматривается в ней обычно в отрыве от последующих политических трансформаций. Гораздо больше внимания западные авторы уделяют проблематике гражданского примирения. Среди исследователей этого направления можно выделить Р. Тлемсани⁵ и Б. Маккуина [MacQueen, 2009], рассматривающих разрешение конфликтов в арабском мире на примере Алжира и Ливана, а также Дж. Лё Сёра [Le Sueur, 2010], анализирующего гражданскую войну и мирные инициативы после нее. Антитеррористическую стратегию Алжира изучала группа авторов: Н. Хасан, Б. Хендрикс, Ф. Янссен и Р. Мэйджер [Hasan et al., 2012].

В целом ни в зарубежной, ни в отечественной литературе пока что не был системно рассмотрен вопрос о влиянии постконфликтного восстановления на дальнейшее политическое развитие Алжира.

Описав в общих чертах методологические аспекты этой проблемы, мы проанализируем затем текущую ситуацию в стране и рассмотрим, каким образом в ней отразился опыт постконфликтного политического восстановления.

Постконфликтное восстановление: несколько методологических замечаний

В конце 1990-х годов, когда гражданское противостояние в Алжире, иногда обозначаемое как гражданская война [Ланда, 1999; Hagelstein, 1998], подходило к концу, само понятие «постконфликтное восстановление», хотя и использовалось в работах политологов [Vigombe et al., 2000], еще не было принято и определено на международно-правовом уровне.

Существенную роль в его разработке сыграли такие известные исследователи, как Й. Галтунг, прославившийся трудами по типологии политического насилия и международным конфликтам [Galtung, 1976, 1996], Т.Э. Флорес и И. Нуруддин [Flores, Nooruddin, 2009].

Последние два автора, интегрировав политическую повестку в проблематику постконфликтного восстановления, выявили обратную зависимость экономического роста от скорости демо-

---

⁵Tlemçani R. Algeria under Bouteflika: Civil strife and national reconciliation // Carnegie Middle East Center. No. 7. 2008. Available at: https://carnegieendowment.org/files/cmec7_tlemceni_algeria_final.pdf (accessed: 13.05.2019).

кратизации. Как отмечали исследователи, слабость политической власти в постконфликтный период, делающая невозможным поддержание устойчивого мира, препятствует инвестициям, что, естественно, замедляет процесс восстановления. В связи с этим с точки зрения постконфликтной реконструкции ключевое значение приобретает способность акторов обеспечить стабильность и эффективность политических институтов, вовсе не обязательно демократических. Более того, сравнивая различные случаи экономической реконструкции, исследователи пришли к выводу, что немедленная постконфликтная демократизация, неизменно означающая формирование поначалу хрупкой системы, замедляет столь необходимое обществу восстановление. Другой важный вывод этих авторов состоял в том, что прямая военная победа закладывает основу для более длительного мира, чем урегулирование путем переговоров.

Между тем в разработанном примерно в то же время подходе ООН, во многом опирающемся на идеи Й. Галтунга о прямом, структурном и культурном насилии, выводы американских авторов (скептические в отношении перспектив немедленной демократизации) отражения не нашли.

С одной стороны, в этом подходе под постконфликтным восстановлением, как правило⁶, подразумевается экономическая повестка — «процесс восстановления базовой инфраструктуры и услуг, а также обеспечения доступа к услугам, ресурсам и средствам к существованию»⁷. С другой стороны, рядом с этим понятием и практически синонимично часто используется термин «миростроительство» (peace-building), означающий уже не только экономические, но также социальные и политические меры: «...действия по укреплению и упрочению мира после гражданских беспорядков, включающие такие функции, как разоружение ранее воевавших сторон и восстановление порядка, хранение и возможное уничтожение оружия, репатриация беженцев, консультативная и учебная поддержка для сотрудников служб безопасности, мониторинг выборов, продвижение усилий по защите прав человека, реформирование или укрепление

---

⁶Сервис UNTERM (The United Nations Terminology Database) позволяет отследить, как часто термин используется в документах организации.

⁷Post-conflict reconstruction // UNTERM. Available at: <http://unterm.un.org/UNTERM/search?urlQuery=post-conflict+reconstruction> (accessed: 07.11.2018).

государственных институтов и содействие формальным и неформальным процессам политического участия»⁸.

Эти понятия были сведены воедино в «Докладе Генерального секретаря о миростроительстве в постконфликтный период»⁹ 2012 г. В документе обозначены следующие приоритетные направления деятельности в рамках постконфликтной реконструкции¹⁰.

Первое охватывает военно-политические меры и включает поддержание безопасности, разминирование территорий, демилитаризацию населения, демобилизацию и реинтеграцию участников боевых действий.

Два затрагивают политические вопросы: поддержка политических процессов и начало инклюзивного диалога; восстановление функционирования государственных органов.

Наконец, еще два касаются социально-экономических проблем: обеспечение доступного водоснабжения, здравоохранения и начального образования, возвращение и реинтеграция внутренне перемещенных лиц и беженцев; содействие восстановлению экономики, а также создание рабочих мест и источников дохода.

В универсальности подхода ООН кроются одновременно его сила и слабость. Сила, естественно, определяется его применимостью практически ко всем постконфликтным ситуациям, учетом большинства проблем и вопросов, без решения которых невозможно налаживание нормальной жизни в пострадавших от вооруженного насилия обществах. Слабость же этого подхода связана не только с игнорированием специфики каждого отдельного случая (вполне естественным для подхода, претендующего на универсальность), но и с осязательным идеализмом, делающим фактическое применение всей описанной повестки в конкретных политических условиях просто невозможным.

В этой связи при обращении к опыту Алжира в области постконфликтного восстановления за основу представляется целесообразным взять упомянутые концептуальные разработки Э. Флореса и И. Нуруддина и сосредоточить внимание прежде всего на политических аспектах данных процессов.

---

⁸ Peace-building // UNTERM. Available at: <http://unterm.un.org/UNTERM/search?urlQuery=peace-building> (accessed: 07.11.2018).

⁹ Миростроительство в постконфликтный период. Док. ООН A/67/499-S/2012/746 от 08.10.2012 // ООН. Доступ: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/67/499> (дата обращения: 07.11.2018).

¹⁰ Там же. С. 7–8.

Эхо конфликта в политической культуре Алжира

Если рассматривать современную политическую историю Алжира через призму преодоления конфликтности 1990-х годов, то, как представляется, в ней может быть выделено четыре периода, на каждом из которых это преодоление играло свою роль — всегда разную, но неизменно значимую.

1 этап (конец 1990-х — первая половина 2000-х годов). События «черного десятилетия» 1990-х годов, повлиявшие на все сферы жизни алжирского общества, до сих пор вызывают много споров.

Как известно, поводом к конфликту стал первый тур выборов в Национальное народное собрание в 1991 г., когда оппозиционный Исламский фронт спасения (ИФС) завоевал 47,27% голосов [Ланда, 1998], получив 44,76% депутатских мандатов (188 из 420). Было очевидно, что во втором туре ИФС сможет одержать полную победу и получить 2/3 мест. Это дало бы ему право изменить Конституцию и провозгласить Алжир исламским государством со всеми вытекающими из этого последствиями для законодательства, поскольку свою конечную цель лидеры ИФС видели в «построении подлинно исламского общества в соответствии с заветами Пророка» [Долгов, 2004: 51].

Стремясь воспрепятствовать такому развитию событий, противники исламистов сыграли на опережение: 11 января 1992 г., за пять дней до второго тура, президент Шадли Бенджедид¹¹ под давлением военных подал в отставку. Совет национальной безопасности, состоявший из премьер-министра, начальника Генштаба и ряда министров, отменил выборы и ввел войска в столицу. С протестами выступили все основные политические силы. Власть перешла к Высшему государственному совету (ВГС).

Руководство АНДР и некоторые исследователи [Куприн, 2004b; Ланда, 2001] оправдывают отмену результатов первого тура выборов в 1991 г. перспективой установления в стране исламского правления. Другие же авторы [Hasan et al., 2012; Kaye et al., 2008], а также сами представители ИФС рассматривают произошедшее как военный переворот, осуществленный в целях сохранения власти у прежней элиты.

---

¹¹ Шадли Бенджедид (1929–2012) — третий президент Алжира (1979–1992), возглавивший страну после смерти Хуари Бумедьена (1932–1978). После свержения Бен Беллы (19 июня 1965 г.) занимал важные правительственные посты, включая ключевые военные командные должности. Переизбирался на пост президента в 1985 и 1989 гг.

В целом данный конфликт можно назвать локальным, трансформировавшимся из политического в вооруженный после того, как оппозиция начала использовать террористические методы.

Несмотря на разные оценки тех событий, относительно их объективных и субъективных причин в научном сообществе достигнут определенный консенсус. Так, к первым относят напряженную социально-экономическую обстановку и ухудшение уровня жизни [Миронова, 2004]. Среди вторых обычно называют коррумпированность управления и недостаточную представленность оппозиционных сил в государственных структурах [Вирабов, 2001; Ланда, 1998]. Ключевым фактором перерастания конфликта в вооруженную фазу стало наличие у обеих сторон годами сформированной привычки к использованию насилия для достижения политических целей. Так, военное руководство страны, имевшее за спиной опыт сражений в борьбе за независимость, выступало за полное уничтожение исламистов, а они в свою очередь прошли через вооруженную борьбу в Афганистане [Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте, 2018]. Бескомпромиссность обеих сторон и нежелание идти на уступки способствовали затяжному характеру конфликта.

На политико-правовом уровне восстановление конституционного порядка в стране началось в середине 1990-х годов — после проведения первых альтернативных президентских выборов в ноябре 1995 г.¹², принятия на референдуме действующей Конституции АНДР в ноябре 1996 г., а также парламентских и муниципальных выборов в 1997 г. И хотя конфликт еще продолжался, эти действия можно считать началом долгого процесса миростроительства в Алжире.

Уже на его первом этапе были выполнены основные задачи, которые спустя почти два десятилетия были специально выделены в упомянутом докладе Генерального секретаря ООН¹³: восстановлено функционирование высших государственных органов и начат диалог с оппозицией.

---

¹² Несмотря на угрозы исламистов и призывы ИФС, Фронта национального освобождения (ФНО) и Фронта социалистических сил (ФСС) бойкотировать выборы, а также благодаря обеспеченной военными безопасности, согласно официальным данным, 75,7% избирателей приняли участие в выборах. Ламин Зеруаль получил 61% голосов, Махфуд Нахнах, лидер партии ХАМАС, — 25,6, Саид Саади, глава партии «Объединение за культуру и демократию», — 9,6, Нуреддин Букур от Партии алжирского обновления — 3,8%.

¹³ Миростроительство в постконфликтный период. Док. ООН А/67/499–S/2012/746 от 08.10.2012 // ООН. Доступ: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/67/499> (дата обращения: 07.11.2018).

Основой для демилитаризации¹⁴ и реинтеграции участников боевых действий стало принятие Закона о гражданском согласии в 1999 г.¹⁵ Легший в основу предвыборной программы Абдельазиза Бутефлики, он представлял собой дополненную версию закона предыдущего президента страны Ламина Зеруаля о помиловании (*rahma*), отвергнутого правительством в феврале 1995 г.¹⁶ Реализация этого плана стала первым шагом новоизбранного главы государства¹⁷.

Мирная инициатива была поддержана Исламской армией спасения¹⁸. Однако против примирения выступили сторонники жесткого курса в алжирском руководстве и командиры сформировавшихся в ходе борьбы с джихадистами отрядов местной самообороны. Тогда А. Бутефлика 12 июня 1999 г. объявил о намерении провести референдум. Прямое обращение к населению не только позволяло подорвать сопротивление президентскому законопроекту, но и было важным инструментом повышения доверия к нему. Во время подготовки к голосованию 8 июля 1999 г.

---

¹⁴ Более широко она развернулась в начале 2000-х годов. Некоторые ополченцы отказывались сдавать оружие добровольно, поэтому полностью завершить процесс демилитаризации гражданского населения удалось лишь к середине 2000-х. Azzouz S. Réconciliation nationale. L'Etat désarme les groupes de légitime défense // Algeria Watch. 12.05.2004. Available at: http://www.algeria-watch.de/fr/article/pol/ammistie/milices_desarmees.htm (accessed: 20.05.2019).

¹⁵ Loi No. 99-08 du 13 juillet 1999. Loi sur la concorde civile // République Algérienne Démocratique et Populaire. Présidence de la République. Available at: http://www.el-mouradia.dz/francais/algerie/histoire/Dossier/loi_sur_la_concorde_civile.htm (accessed: 25.04.2019).

¹⁶ Первой мирной инициативной была «Римская платформа» (1995), созданная рядом оппозиционных партий, в том числе ИФС, а также видными представителями гражданского общества и правозащитных групп. Она содержала ряд рекомендаций правительству для прекращения конфликта, которые включали признание ИФС в качестве законной политической партии и призывы военных отойти от политической жизни страны. Инициированная католической общиной Сант-Эджио, она также получила название «платформа Сант-Эджио». Алжирское правительство ее отвергло, но стало создавать другие альтернативы, в том числе закон Л. Зеруаля. См. подробнее: [MacQueen, 2009: 98–99].

¹⁷ Interview Bouteflika // Ina.Fr. 27.06.1999. Available at: <http://www.ina.fr/video/CAC99027039> (accessed: 19.05.2019).

¹⁸ Радикальная исламская оппозиция состояла из нескольких группировок: Вооруженное исламское движение (ВИД), находившееся под влиянием ИФС и с июня 1994 г. называвшееся Исламской армией спасения (ИАС); Вооруженная исламская группа (ВИГ), возникшая в 1993 г.; Салафитская группа проповеди и джихада (СГПБ), образованная в 1997 г. после распада ВИГ и с 2006 г. именуемая «Аль-Каидой в исламском Магрибе» (АКИМ).

парламент принял проект «Закона о гражданском согласии»¹⁹ (La loi sur la Concorde Civile), предусматривавший использование трех возможных мер для лиц, заявивших о прекращении преступной террористической деятельности, в зависимости от обстоятельств²⁰: освобождение от судебного преследования; условное осуждение с установлением испытательного срока или же смягчение приговора.

Повстанцы имели право на амнистию, если они не убивали, не насиловали и не использовали взрывчатые вещества в общественных местах. Совершившие же подобные преступления, хотя и не были амнистированы, однако получили меньшие сроки тюремного заключения²¹, чем предусматривалось Уголовным кодексом страны.

Закон вступил в силу 13 января 2000 г. Он помог смягчить напряженность: «В 2001 г. погибли 1300 человек, в то время как столько же были убиты лишь за одну неделю летом 1997 г.», — отмечает отечественный исследователь А.И. Куприн [Куприн, 2004b: 266]. На состоявшемся в сентябре референдуме на вопрос: «Согласны ли вы с подходом президента к восстановлению мира и гражданского согласия?» подавляющее большинство алжирцев (98% при явке 85% (17 млн) избирателей [MacQueen, 2009]) поддержали курс на прекращение кровопролития. Тем не менее закон также подвергался критике как со стороны населения, так и со стороны внешних наблюдателей [Le Sueur, 2010; MacQueen, 2009].

Семьи пропавших без вести (а всего за время войны, по разным источникам, их насчитывалось от 4000 до 10 000 человек [Moussaoui, 2001]) требовали поиска родных или раскрытия местонахождения их тел и призывали провести судебное рассле-

---

¹⁹ Loi No. 99-08 du 13 juillet 1999. Loi sur la concorde civile // République Algérienne Démocratique et Populaire. Présidence de la République. Available at: http://www.el-mouradia.dz/francais/algerie/histoire/Dossier/loi_sur_la_concorde_civile.htm (accessed: 25.04.2019).

²⁰ Tuquoi J-P. La loi sur la ‘concorde civile’ du président algérien plébiscitée avec 98,6% de ‘oui’ // Le Monde. 17.09.1999. Available at: http://www.lemonde.fr/international/article/1999/09/17/la-loi-sur-la-concorde-civile-du-president-algerien-plebiscitee-avec-98-6-de-oui_23013_3210.html (accessed: 25.04.2019).

²¹ В статье 41 закона 99-08 от 13 июля 1999 г. предусматривалось, что «люди, принадлежащие к организациям, которые добровольно и спонтанно решили прекратить акты насилия и которые полностью отдались в распоряжение государства <...>, имеют право на все свои гражданские права, и им предоставляется иммунитет от судебного преследования».

дование преступной деятельности военных и силовых структур во время конфликта. Однако власти не шли им навстречу [Hasan et al., 2012].

По заявлению правительства, соглашение «ускорило нормализацию ситуации с безопасностью» до такой степени, что повстанцы «уже не представляли серьезной угрозы для институтов и населения страны» [MacQueen, 2009: 111], однако чрезвычайное положение, введенное в 1992 г., оставалось в силе. Это дало правительству свободу в том, что касалось не только подавления вооруженной оппозиции в стране, но и ограничения внутреннего инакомыслия со стороны журналистов, неправительственных организаций и ученых.

Президент, заявив в одной из своих речей²² того времени, что исламисты, отказавшиеся принять условия правительства, теперь не имеют обычных гражданских прав, фактически позволил военным использовать любую тактику, которую они сочтут уместной, для уничтожения всех оставшихся воинствующих группировок. В результате в 2000 г. число людей, погибших в терактах и в ходе антитеррористических операций, увеличилось до 5000 человек, что примерно в два раза больше, чем годом ранее [Le Sueur, 2010]. Надо сказать, что практика разделения исламистов на «плохих» (террористов) и «хороших» (умеренных) потом неоднократно применялась на всем Ближнем Востоке, ярким примером чего стала Сирия.

Усилив наступление на боевиков в начале 2000-х годов, руководство Алжира смогло установить безопасность на той территории страны, где проживала большая часть населения. Террористы в основном скрывались в обширных и слабозаселенных районах пустыни Сахары. После этого стали возможны дальнейшие политические реформы и социально-экономическое восстановление.

Впрочем, значимость политических шагов, предпринятых властью на этом этапе, состояла не только в решении острых тактических проблем. Как ни характеризуй события «черного десятилетия», несомненно, именно они сформировали характер политической системы Алжира в последующие годы, способство-

---

²² Bouteflika's speech to the nation // BBC Monitoring. 27.04.1999. Available at: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/world/monitoring/330016.stm> (accessed: 20.05.2019).

вали консолидации политической элиты и определили основную модель ее поведения в ситуации растущих вызовов и угроз.

II этап (вторая половина 2000-х годов — 2011 г.). Начало второго этапа политики гражданского согласия положила принятая в 2005 г. Хартия за мир и национальное примирение (*La Charte pour la paix et la réconciliation nationale*)²³. И хотя она также подверглась критике [Bustos, 2007], согласно правительственным данным, она была поддержана 97% избирателей на всенародном референдуме, где явка составила 82% [Kaе et al., 2008]. Основной идеей документа было освобождение всех лиц, будь то исламисты, гражданские ополченцы или сотрудники сил безопасности, от уголовного преследования за преступления, совершенные во время войны. Таким образом, хартия пресекала попытки дискредитировать военных. Она также освободила силы безопасности и вооруженные отряды ополчения от ответственности за нарушения прав человека во время войны, мотивировав это тем, что они действовали в интересах страны [Hasan et al., 2012].

«Никакое судебное разбирательство не может быть возбуждено против отдельного или коллективного субъекта, являющегося служащим сил обороны и безопасности Республики, за действия, проводимые с целью защиты лиц и имущества, защиты нации или сохранения институтов Алжирской Народной Демократической Республики»²⁴, гласил документ.

Более того, хартия позволяла подвергать тюремному заключению любого, кто открыто критикует действия сил безопасности в годы конфликта: «Налагается наказание в виде лишения свободы на срок от трех до пяти лет и штрафа в размере от 250 000 до 500 000 алжирских динаров на любого, кто своими заявлениями, письмами или любым другим актом использует травмы национальной трагедии для того, чтобы нанести ущерб институтам Алжирской Народной Демократической Республики, ослабить государство, подорвать репутацию его офицеров или запятнать имидж Алжира на международном уровне»²⁵.

Хартия за мир и национальное примирение в основном подтвердила базовые принципы закона о гражданском согласии. В соответствии с этим документом прекращалось судебное

---

²³ Art. 45. Ordonnance No. 06-01 du 27 février 2006 portant mise en œuvre de la Charte pour la paix et la réconciliation nationale // Journal Officiel de la République Algérienne. 2006. No. 11. Available at: https://www.usip.org/sites/default/files/file/resources/collections/commissions/Algeria-Charter_ordinance06-02.pdf (accessed: 05.05.2019).

²⁴ Ibidem.

²⁵ Ibid. Art. 46.

разбирательство против исламистских повстанцев, в том числе проживавших за границей и осужденных заочно. Все те, кто стремился к помилованию, должны были предстать перед силами безопасности или обратиться в посольство Алжира, если они находились за границей, в течение шести месяцев — к августу 2006 г. и признаться в своих правонарушениях, с тем чтобы вернуть свои гражданские свободы.

Однако согласно статье 26 хартии политическая деятельность была запрещена любому, кто участвовал в совершении террористических актов или в манипуляциях религией в преступных целях²⁶. Таким образом, ссылаясь на эту статью, правительство могло на законных основаниях отказывать в регистрации любых новых политических партий бывшим членам ИФС.

К январю 2007 г. Министерство юстиции Алжира выпустило почти 3000 бывших террористов, которые попали под амнистию. При том что основная часть боевиков воспользовались призывом правительства к примирению, некоторые вернулись в ряды вооруженных групп или подались в преступные синдикаты. По данным алжирского правительства, к 2007 г. из 6000 бывших комбатантов, которые воспользовались описанными инициативами примирения, всего 20 человек снова взяли за оружие. Определить достоверность этих цифр сегодня практически невозможно: вероятнее всего, истинное число людей, убитых за время войны, равно как и тех, кто воспользовался амнистией, так и останется неизвестным в ближайшие годы, поскольку эти данные считаются государственной тайной.

С 2006 г. новые законы, продлевающие использование амнистии, не издавались. Однако согласно некоторым источникам [Hasan et al., 2012] члены вооруженных группировок по-прежнему сдают властям и получают амнистию.

Несмотря на определенные недостатки и морально-этическую уязвимость, инициативы А. Бутефлики по примирению после гражданской войны внесли значительный вклад в возвращение мира и стабильности в страну. Некоторые исламисты были включены в политический процесс. Несколько групп, таких как «Движение общества за мир», присоединились к коалиционным правительствам и получили места в парламенте и министерские портфели. А. Бутефлика даже назначил симпатизировавшего исламистам Абдельазиза Бельхадема министром иностранных дел в 2000 г. и главой правительства в 2006 г. Эти шаги позво-

---

²⁶ Ibid. Art. 26.

лили режиму укрепить свою легитимность благодаря готовности разрешить исламистам участвовать в легальном политическом процессе.

Если рассматривать первые инициативы А. Бутефлики по мирному урегулированию в контексте концепций миростроительства и постконфликтного восстановления, то обращают на себя внимание несколько моментов.

Конечно, ситуация в Алжире отличалась немалой спецификой: до сих пор еще не стихают споры о том, надо ли рассматривать «черное десятилетие» как вооруженный внутривнутриполитический конфликт (гражданскую войну) [MacQueen, 2009; Kaye et al., 2008] или же как ширококомасштабную террористическую деятельность, развернутую после военного переворота [Le Sueur, 2010]. Отсутствие каких бы то ни было цифр, которые позволяли бы судить о динамике реальной поддержки сторон конфликта населением, оставляет широкие возможности для интерпретаций. Тем не менее предложенный президентом Закон о гражданском согласии свидетельствует о готовности правительства признать факт *гражданского* противостояния: пусть власть и стала говорить с исламистами с позиции силы, она все же стала с ними именно *говорить*, тем самым косвенно признавая их как сторону конфликта.

Диалог был начат после фактического исчерпания военных методов сильной стороной, согласившейся на некоторые уступки ради достижения компромисса. В этом отношении алжирский кейс несколько расходится с теоретическими построениями Т.Э. Флореса и И. Нуруддина, поскольку демократические методы урегулирования сочетались здесь с серьезной военной составляющей. Очевидно, что без последней — без готовности политического режима к радикальным действиям — урегулирование конфликта было бы невозможно. Однако, невозможно оно было и при полном отсутствии демократических инструментов: радикальная оппозиция оказалась бы просто задавленной, что создало бы постоянную угрозу новой дестабилизации. Этим объясняются и обращение к референдуму, и заимствование элементов исламистской программы властью, и интеграция части оппозиции в политическую элиту страны.

Наконец, важным кажется и избранный порядок действий алжирского руководства. Строго говоря, властям не было нужды проводить формальную демократизацию политической системы — это было сделано еще до конфликта. Однако необходимо было создать позитивные стимулы для мирного урегулирования

у противной стороны, инструментом чего и стали до той поры практически парализованные демократические институты: политические партии, объединения и электоральные процедуры.

Вместе с тем дальнейшее манипулирование последними²⁷ демонстрировало, что проводимая демократизация носила ограниченный характер. Президент сохранял полный контроль не только над исполнительной властью, но и в значительной степени над судебной и законодательной. Благодаря формированию трети Совета нации (верхней палаты) путем прямых президентских назначений и широким возможностям по роспуску Национальной народной ассамблеи глава республики сохранял значительные ресурсы для оказания влияния на парламент [Мохов, 2007]. Процесс распределения реальной власти реализовывался соперничавшими между собой группами элиты, в той или иной степени связанными с армией и силовыми структурами. Для собственного благополучия им необходимо было поддерживать существовавшую систему, которая обеспечивала «распределение привилегий и всевозможных рент (помимо нефтегазовой ренты, распределения лицензий на импорт, прав на создание предприятий в доходных секторах экономики и т.д.) между узким кругом представителей своих альянсов и их клиентов» [Мохов, 2007: 134].

В то же время охарактеризовать алжирскую политическую систему 2000-х годов как классическую авторитарную или даже как систему электорального авторитаризма²⁸ вряд ли возможно.

При всей важности президентской власти парламент в 2000-е годы превратился в относительно влиятельный орган, по меньшей мере более влиятельный, чем в любой другой арабской республике (за исключением Ливана и Ирака) того же периода. Отсутствие единой партии власти и высокая степень инклюзивности партийной системы, в которой оказались представлены все пользовавшиеся популярностью идеологические течения, позволяли парламентским выборам отражать реальные предпочтения населения. Постепенный рост популярности Фронта

---

²⁷ В 2008 г., перед окончанием второго срока А. Бутефлики, было снято конституционное ограничение президентского правления двумя мандатами. В 2011 г., во время его четвертого мандата, в ответ на массовые протесты это ограничение вновь было внесено в Основной закон. Каждая электоральная кампания в стране при этом сопровождалась громкими заявлениями оппозиции об имевших место фальсификациях результатов голосования и данных явки.

²⁸ «Режимы электорального авторитаризма играют в многопартийные выборы, при этом попирая либерально-демократические принципы свободы и справедливости, превращая выборы в инструменты авторитарного режима» (цит. по: [Cassani, 2012: 10]).

ационального освобождения (ФНО)²⁹, уменьшение симпатии населения к исламистам, сложное положение «берберских» партий, то бойкотировавших выборы, то оказывавшихся аутсайдерами, и относительная маргинальность всех остальных политических сил говорят о динамике общественных настроений.

При этом участие А. Бутефлики в выборах 2009 г. и укрепление ФНО свидетельствовали о набиравших силу авторитарных трендах в рамках все той же гибридной политической системы. Как и реформы начала 2000-х годов, в значительной степени рост этих тенденций был косвенным эффектом постконфликтного развития. Преодоление насилия и очевидные успехи в процессе примирения создали серьезный кредит доверия А. Бутефлике, силовое подавление конфликта укрепило позиции военных и усилило их корпоративную идентичность, а травматичный опыт сделал невозможным на какое-то время гражданское сопротивление авторитаризму.

III эман (2011–2019). И все же со временем кредит доверия президенту растрчивался. Первой попыткой оспорить легитимность системы стали протестные выступления конца 2010 г. — начала 2011 г., охватившие 20 из 48 вилай Алжира. И хотя в основном они были вызваны социально-экономическими причинами (такими как нехватка жилья, повышение стоимости жизни и цен на продукты питания), помимо социально-экономических лозунгов звучали тогда и требования политических реформ.

Так, в январе 2011 г. было создано движение «Национальная координация перемен и демократии» (НКПД; La Coordination nationale pour le changement et la démocratie, CNCD), объединившее различные оппозиционные группы, в том числе Алжирскую лигу защиты прав человека, студенческие и молодежные организации, ассоциации безработных, юристов, учителей, гражданских коллективов и политических партий³⁰. Движение призывало всех алжирцев — молодежь, студентов, женщин, безработных,

---

²⁹ Les résultats des élections parlementaire Algerie. Algerie Chambre parlementaire: Al-Majlis Ech-Chaabi Al-Watani. Elections tenues en 1997 // Union interparlementaire. Available at: http://archive.ipu.org/parline-f/reports/arc/1003_97.htm (accessed: 25.04.2019); Proclamation No. 01/P.CC/12 du 15 mai 2012 portant résultats de l'élection des membres de l'Assemblée Populaire Nationale // Journal Officiel de la République Algérienne. 2012. No. 32. P. 4–22. Available at: <http://www.joradp.dz/FTP/JO-FRANCAIS/2012/F2012032.pdf> (accessed: 13.05.2019).

³⁰ Baamara L. (Més)aventures d'une coalition contestataire: le cas de la Coordination nationale pour le changement et la démocratie (CNCD) en Algérie // L'Année du Maghreb. 2012. VIII. Available at: <http://journals.openedition.org/anneemaghreb/1444> (accessed: 01.04.2019).

пенсионеров, рабочих, руководителей — участвовать в мирном марше с требованиями «ухода системы» и «смены режима». Оно требовало проведения демократических реформ, отмены чрезвычайного положения, введенного в 1992 г., создания более открытой политической системы и предоставления свободы деятельности средствам массовой информации. Из оппозиционных партий к этой инициативе присоединилось только «Объединение за культуру и демократию», ориентировавшееся на берберский электорат, тогда как представленные в парламенте левые и исламистские партии ее проигнорировали [Долгов, 2015]. НКПД организовало 12 февраля манифестацию, в которой приняли участие около 3000 человек, однако столкнулось с мощным противодействием сил полиции (в центре столицы было размещено около 30 000 полицейских), разогнавших протестующих³¹. Все последующие попытки также не были особо удачными и к 23 июня были свернуты.

В целом эти события продемонстрировали нескоординированность социально-экономических и политических требований оппозиции, что не позволило сформировать единое массовое движение, выступавшее за реформирование общества. Вместе с тем в стране действительно сохранялся активно инструментализированный властью страх перед радикальными изменениями, способными привести к повторению событий «черного десятилетия» [Желтов В.В., Желтов М.В., 2015].

Впрочем, эти страхи и в самом деле испытывало не только гражданское общество, но и само алжирское руководство, которое гибко и вовремя отреагировало на протесты, пообещав провести демократические и экономические реформы: 3 февраля 2011 г. был отменен чрезвычайный режим, длившийся 19 лет [Volpi, 2013], а президент в речи от 15 апреля³² пообещал провести и коренные конституционные реформы. В результате в январе 2012 г. были приняты законы об электоральном процессе³³,

---

³¹ Coordination nationale pour le changement et la démocratie, Une autre marche aujourd'hui à Alger // Algérie 360. 18.02.2011. Available at: <https://www.algerie360.com/coordination-nationale-pour-le-changement-et-la-democratieune-autre-marche-aujourd'hui-a-alger/> (accessed: 01.04.2019).

³² Le président de la République, Abdelaziz Bouteflika, prononce un discours à la nation. 15.04.2011 // YouTube. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=l5T4_K6lWbk (accessed: 20.05.2019).

³³ Loi organique No. 12-01 du 12 janvier 2012 relative au régime électoral // Journal Officiel de la République Algérienne. 2012. No. 1. P. 8–31. Available at: <http://www.joradp.dz/FTP/JO-FRANCAIS/2012/F2012001.pdf> (accessed: 06.05.2019).

о политических партиях³⁴, об ассоциациях³⁵, о политическом представительстве женщин³⁶ и о распространении информации³⁷. Если они и не означали столь фундаментальных перемен, что обещались, то все же создавали новый, более демократический дизайн политической системы. Еще через четыре года — в марте 2016 г. — были приняты поправки в действовавшую в стране с 1996 г. Конституцию³⁸.

В целом события «арабской весны» в Алжире обладали своей спецификой. Страна оказалась единственной из арабских республик, столкнувшихся в 2010–2011 гг. с серьезными протестами, которая сумела избежать драматического революционного сценария. Проведенные реформы были направлены на повышение гибкости системы, отчасти расширяли ее инклюзивность и продемонстрировали ее адаптивность.

Свидетельством успешности выбранной стратегии может служить относительное спокойствие, в котором прошли следующие несколько лет жизни страны. Правда, американский исследователь Р. Паркс³⁹ отмечает довольно большое число локальных протестов в это время. Правда и то, что анализ президентских (2014) и парламентских выборов (2017) показывает нарастающее недовольство населения политическими элитами [Сапронова, 2015]. Высокий уровень абсентеизма (в некоторых районах явка и на президентских, и на парламентских выборах едва преодоле-

---

³⁴Loi organique No. 12-04 du 12 janvier 2012 relative aux partis politiques // Journal Officiel de la Republique Algerienne. 2012. No. 2. P. 9–15. Available at: <http://www.joradp.dz/FTP/JO-FRANCAIS/2012/F2012002.pdf> (accessed: 06.05.2019).

³⁵Loi No. 12-06 du 12 janvier 2012 relative aux associations // Journal Officiel de la Republique Algerienne. 2012. No. 2. P. 28–34. Available at: <http://www.joradp.dz/FTP/JO-FRANCAIS/2012/F2012002.pdf> (accessed: 13.05.2019).

³⁶Loi organique No. 12-03 du 12 janvier 2012 fixant les modalités augmentant les chances d'accès de la femme à la représentation dans les assemblée // Journal Officiel de la Republique Algerienne. 2012. No. 1. P. 39. Available at: <http://www.joradp.dz/FTP/JO-FRANCAIS/2012/F2012001.pdf> (accessed: 06.05.2019).

³⁷Loi organique No. 12-05 du 12 janvier 2012 relative à l'information // Journal Officiel de la Republique Algerienne. 2012. No. 2. P. 18–27. Available at: <http://www.joradp.dz/FTP/JO-FRANCAIS/2012/F2012002.pdf> (accessed: 13.05.2018).

³⁸Loi No. 16-01 du 6 mars 2016 portant révision constitutionnelle // Journal Officiel de la Republique Algerienne. 2016. No. 14. Available at: <http://www.droit-afrique.com/uploads/Algerie-Constitution-revisee-Loi-6-mars-2016.pdf> (accessed: 25.04.2019).

³⁹Parks R.P. Algerians head to the polls Thursday. Here's what to watch // The Washington Post. 03.05.2017. Available at: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2017/05/03/algerians-head-to-the-polls-thursday-heres-what-to-watch/?utm_term=.2dd5790de605 (accessed: 22.05.2019).

вала 20%) дополнялся большим числом испорченных бюллетеней (до 25%), а испытывавший после 2013 г. постоянные трудности со здоровьем президент практически перестал появляться на публике. Несмотря на это, политическим элитам удавалось на протяжении всего этого периода избегать массовых акций недовольства, не используя широкомасштабных репрессий.

В целом можно констатировать, что опыт постконфликтного восстановления, формально завершившегося в середине 2000-х годов, в рассматриваемый период продолжал проявляться в политической жизни страны по меньшей мере в четырех аспектах.

Во-первых, память о событиях «черного десятилетия» влияла как на руководство АНДР, воздержавшееся от репрессивного ответа на выступления, так и на самих протестующих, последовательно придерживавшихся ненасильственных стратегий.

Во-вторых, эта память сделала неприемлемым для общества протестный исламистский дискурс. Любое его использование (впрочем, на первых этапах «арабской весны» ограниченное и в других странах) с легкостью могло интерпретироваться властью как попытка реванша тайных сторонников ИФС и подобных ему групп, что дало бы *carte blanche* для силовых действий.

В-третьих, в начале 2010-х годов политические элиты стремились прибегнуть к тем же, в сущности, инструментам выхода из кризиса, что оказались эффективными десятилетием раньше. Продемонстрировав сначала готовность к силовому подавлению протеста, они тут же выказали желание вести диалог и использовать демократические способы его канализации.

Наконец, в-четвертых, ощутив пределы гибкости политического режима, элиты никак не могли решиться на его масштабное реформирование, стараясь как можно дольше замораживать политический процесс в стране.

И хотя спустя еще восемь лет ситуация существенно изменилась, модели поведения как протестующих, так и элиты, палитра инструментов, применяемых обеими сторонами, и сам сценарий их взаимодействия во многом оказались прежними.

IV éman (с 2019 г.). 2019 год обозначил начало принципиально нового периода в истории страны. Весной этого года в Алжире должны были состояться очередные президентские выборы, однако до последнего момента процедура их проведения и список участников оставались совершенно неясными. Главная интрига касалась, конечно, перспективы выдвижения на очередной срок

А. Бутефлики, состояние здоровья которого не позволяло ему заниматься публичной политикой на протяжении нескольких последних лет. В то же время никаких очевидных альтернатив ему политическими элитами предложено не было.

Наконец, 10 февраля находившийся в швейцарской клинике президент объявил о намерении выдвинуть свою кандидатуру еще раз. Спустя всего несколько дней в Алжире вспыхнули массовые протесты. Проходя практически во всех больших городах страны каждую пятницу, они собирали поначалу десятки, потом сотни тысяч, а затем уже миллионы манифестантов, требовавших отказа А. Бутефлики от выдвижения на пятый срок (в связи с изменением Конституции в 2016 г. правовых препятствий к этому не было).

Появлявшаяся в интернете и СМИ в это время информация свидетельствовала, что тайно или явно протестующих поддерживали и многие представители государственной власти, в особенности локального и регионального уровней.

Правительство же, ранее довольно быстро реагирувавшее на общественное недовольство, явно пребывало в некоторой растерянности. Президент предпочитал общаться с обществом посредством писем, которые зачитывали по центральному телевидению.

Первое из них⁴⁰ было оглашено 3 марта — в последний день подачи кандидатами документов для участия в выборах. В своем обращении А. Бутефлика пообещал в случае победы сразу после оглашения результатов голосования собрать инклюзивную независимую национальную конференцию по подготовке политических, экономических, социальных и институциональных реформ; разработать и принять на референдуме новую конституцию, которая ознаменует рождение Второй Алжирской Республики; начать вести новую публичную политику для обеспечения более справедливого и равного распределения доходов от национальных богатств, что исключало бы любую социальную маргинализацию и нелегальную эмиграцию; мобилизовать все социальные силы на борьбу с коррупцией; принять конкретные меры, чтобы сделать молодежь основным бенефициаром в общественной деятельности и во всех сферах социально-экономиче-

---

⁴⁰ Lettre de Bouteflika aux Algériens: le texte integral // TSA. 03.03.2019. Available at: <https://www.tsa-algerie.com/document-lettre-de-bouteflika-aux-algeriens-le-texte-integral/> (accessed: 24.06.2019).

ской жизни; пересмотреть закон о выборах, создать независимый избирком; провести президентские выборы без своего участия в сроки, установленные национальной конференцией. Диктор, зачитывавшая это послание, на следующий день уволилась с телевидения.

Поскольку эти обещания не смогли остановить демонстрантов, 7 марта, накануне Международного дня женщин, было озвучено второе письмо⁴¹. Помимо обычных поздравлений, краткого экскурса в историю женского участия в национально-освободительной борьбе и вообще в построении и защите алжирской государственности президент отметил, что ключевая задача сегодня — добиться гендерного равенства на рынке труда. Кроме того, он указал на множество угроз как внешнего, так и внутреннего происхождения. Приветствуя мирные протесты, он обратил внимание, не называя никого конкретно, на множество завистников, желающих толкнуть страну в бездну кровавого хаоса, и призвал алжирских женщин уберечь от этого сынов отечества.

Наконец, в озвученном менее чем через неделю третьем послании⁴² вернувшийся к тому моменту на родину А. Бутефлика пообещал не только не участвовать в президентской гонке, но и вовсе отложить голосование, провести вместо него национальную конференцию для разработки новой конституции, на основании которой и пройдут затем выборы главы государства. В сущности, это означало продление действовавшего мандата еще как минимум на полтора-два года и, конечно, не могло быть одобрено улицей.

Предпринятые в это же время попытки пресечь протесты с помощью кадровых перестановок (отставка премьер-министра Ахмеда Уяхьи и серьезное обновление состава правительства 11 марта) успеха не возымели.

Помимо президента к протестующим обращались и другие политические деятели. В то время как одни из них так или

---

⁴¹ Message de Bouteflika: le texte integral // TSA. 07.03.2019. Available at: <https://www.tsa-algerie.com/document-message-de-bouteflika-le-texte-integral-2/> (accessed: 24.06.2019).

⁴² 'L'Algérie traverse une étape sensible de son histoire'... la lettre de Bouteflika aux Algériens // Liberation. 11.03.2019. Available at: https://www.liberation.fr/planete/2019/03/11/l-algerie-traverse-une-etape-sensible-de-son-histoire-la-lettre-de-bouteflika-aux-algeriens_1714435 (accessed: 24.06.2019).

иначе выказывали поддержку манифестантам, другие акцентировали внимание на опасности инструментализации протеста деструктивными силами. Об этом говорил с митинговавшими и заместитель министра обороны страны (министерский портфель был у президента) генерал Ахмед Гаид Салах, однако затем он стал подчеркивать общность видения будущего армией и народом, а в конечном счете и вовсе назвал окружение президента «бандой» и предложил использовать ст. 102 Конституции страны, определявшую порядок действий в случае недееспособности главы государства.

Кульминация должна была наступить к 28 апреля, когда истек срок четвертого президентского мандата. Однако уже 1 апреля администрация А. Бутефлики объявила, что он покинет пост раньше, а на следующий день он сам обратился к нации с последним посланием⁴³, в котором заявил о своей отставке и попросил прощения за ошибки последних лет.

Наступившие вслед за этим кадровые чистки в элите, запрет на выезд из страны крупнейших олигархов, привлечение к судебной ответственности целого ряда ключевых фигур эпохи А. Бутефлики, включая премьер-министра А. Уяхьи, других высших чиновников и руководителей спецслужб и крупнейших корпораций, свидетельствовали о серьезном переделе власти, главным бенефициаром которого стало, по всей видимости, военное руководство.

Протестное движение тем временем никуда не исчезло, однако его активность снизилась. Власти стали чаще прибегать к разгонам так и не сумевших обрести общий голос демонстрантов и ограничили перемещения между городами. Вместе с тем они не пытались вовсе пресечь массовые акции, проходившие каждую пятницу в крупнейших городах страны на протяжении более полугода. Подобная тактика вела к превращению этих акций в естественный элемент общественно-политической жизни, своеобразную форму досуга для целых семей⁴⁴.

Согласно алжирской Конституции политический транзит предполагал проведение президентских выборов в трехмесячный

---

⁴³ Message du président de la République sortant, Abdelaziz Bouteflika, au peuple algérien // Algérie Presse Service. 03.04.2019. Available at: <http://www.aps.dz/algerie/87630-message-du-president-de-la-republique-sortant-abdelaziz-bouteflika-au-peuple-algerien> (accessed: 03.08.2019).

⁴⁴ Полевые исследования. Июль 2019 г.

срок, и поначалу они действительно были назначены на 4 июля, однако сама возможность их организации в это время вызывала большие сомнения. В итоге выборы и в самом деле отменили под предлогом несоответствия представленных кандидатами документов установленным правилам⁴⁵. Только в середине сентября правительство наконец объявило об их проведении в декабре 2019 г.

Если рассматривать произошедшие события через призму памяти о гражданском конфликте, то обращают на себя внимание несколько моментов.

С одной стороны, вполне очевидно, что доминировавший долгое время в обществе страх перед массовыми протестными действиями, равно как и уходящая корнями в начало 2000-х годов консолидированность властей, канули в прошлое. Миллионы людей не побоялись выйти на улицы, а политическая элита моментально оказалась расколотой.

С другой стороны, некоторые очень важные политические практики, сформированные именно в процессе урегулирования конфликта и постконфликтного развития, показали свою живучесть.

Прежде всего, страх перед повторением масштабного насилия по-прежнему предопределял поведение как властей, так и протестующих. С ним же, по всей видимости, было связано и категорическое неприятие любого внешнего вмешательства в политический процесс. Если упоминание враждебных внешних сил в выступлениях представителей руководства страны было делом вполне обычным и не раз встречавшимся в других государствах региона, то плакаты с лозунгами, отвергавшими участие иностранных акторов, в руках манифестантов ранее в регионе, кажется, нигде не наблюдались.

Неприятие насилия определяло и другой элемент транзитурного процесса — его подчеркнуто конституционный характер. И расколотые уже элиты, и улица боялись выйти за пределы Конституции, и все решения, принимавшиеся в это время в стране, по крайней мере формально оставались в пределах легального поля. Отказ от предложенной А. Бутефликой национальной конференции, стремление организовать выборы в трехмесячный

---

⁴⁵ Communiqué du Conseil constitutionnel du 2 juin 2019 // Conseil constitutionnel. Available at: <http://www.conseil-constitutionnel.dz/index.php/fr/> (accessed: 25.06.2019).

срок после его отставки и даже последующая их отмена под явно искусственным предлогом несоответствия представленных кандидатами документов предъявляемым требованиям демонстрируют эту тенденцию вполне очевидно.

Наконец, третьей особенностью можно считать отсутствие, как и ранее, исламистской составляющей в протестном движении и его в целом национально ориентированный и не партикулятивный характер. Показателен в этом отношении выход на политическую авансцену армии, позиционировавшей себя, в отличие от 1990-х годов, не как защитницу секулярных ценностей и соответственно интересов светской части общества, а именно как общенациональную силу, стоящую на страже интересов всех алжирцев и разделяющую с ними общее видение будущего страны.

* * *

Подводя итоги сказанному, можно сделать некоторые выводы. Если рассматривать всю современную историю Алжира через призму памяти о гражданском противостоянии 1990-х годов, то можно заметить, что эта память не просто сохраняет свое влияние на политический процесс в стране на протяжении всего этого времени, но и оказывается важным фактором формирования специфической алжирской политической культуры. Несмотря на то что непосредственные задачи постконфликтной политической реконструкции были решены еще в первой половине 2000-х годов, сложившиеся в то время политические практики продолжают раз за разом воспроизводиться в стране, предопределяя стратегии политического поведения всех игроков — как институционализированных, так и нет.

Страх перед повторением насилия, стремление остаться в конституционном поле, готовность власти идти на переговоры с протестующими, внося коррективы в организацию политической системы, сохранение при этом высокой степени консолидации военных, воспринимаемых обществом как гарантов политического процесса, неприятие партикуляристских, прежде всего исламистских, идеологий — все это черты, сформированные в результате кровавых событий 1990-х годов и последовавшего за ними постконфликтного восстановления страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартенев В.И. «Взаимно гарантированная обструкция»? Россия, страны Запада и политические дилеммы восстановления Сирии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 755–774. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-755-774.
2. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте / Отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин. М.: ИВ РАН, 2018.
3. Виравов А.Г. Алжир: кризис власти. М.: ИИИиБВ, 2001.
4. Виравов А.Г. Итоги и перспективы либерализации общественно-политической системы в Алжире // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (новейшая история, экономика и политика). Вып. 3. М.: ИИИиБВ; ИВ РАН, 1998. С. 111–115.
5. Виравов А.Г. К вопросу о смене общественно-политической системы Алжира // Арабский мир в конце XX века: Материалы I конференции арабистов ИВ РАН. М.: ИИИиБВ; ИВ РАН, 1996. С. 38–46.
6. Долгов Б.В. Алжир // Ближний Восток, «Арабское пробуждение» и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред. В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2012. С. 189–203.
7. Долгов Б.В. Алжир в XXI веке: между демократией и радикальным исламом // Вестник РГГУ. Серия: Востоковедение, африканистика. 2009. № 13/09. С. 137–151.
8. Долгов Б.В. Алжирский опыт в конфликтах «арабской весны» // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М.: ИВ РАН, 2015. С. 448–473.
9. Долгов Б.В. Исламистский вызов и алжирское общество (1970–2004 гг.). М.: ИИИиБВ, 2004.
10. Желтов В.В., Желтов М.В. Алжир: реформирование как проявление арабской весны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-2 (62). С. 33–38.
11. Исаев Л.М. Рецепты «алжирской весны» // Неприкосновенный запас: дискуссии о политике и культуре. 2013. № 1(87). С. 204–213.
12. Куприн А.И. Алжир: исламистское движение против республиканских режимов // Россия и мусульманский мир. 2004. № 12. С. 108–118.
13. Куприн А.И. Власть и исламистская оппозиция в Алжире // Ближний Восток и современность. Вып. 22. М.: ИИИиБВ, 2004. С. 250–274.
14. Ланда Р.Г. Исламский терроризм в Алжире // Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке. М.: ИИИиБВ; Академия геополитики и безопасности, 2001. С. 146–157.
15. Ланда Р.Г. История Алжира. XX век. М.: ИВ РАН, 1999.
16. Ланда Р.Г. «Политическая весна» и гражданская война в Алжире // Страны Ближнего Востока (актуальные проблемы современности и истории). М.: ИИИиБВ; ИВ РАН, 1998. С. 85–102.
17. Миронова Е.И. Алжир: Смена приоритетов развития. М.: ИИИиБВ, 2004.
18. Мохов Н.В. Алжирское государство-нация: от хрупкого «монолита» к конфликтному многообразию // Культурная сложность современных наций / Отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 241–273.

19. Мохов Н.В. Политическая система Алжира: причины стабильности // Россия и мусульманский мир. 2007. № 2. С. 126–139.
20. Сапронова М.А. Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999). М.: ИИИиБВ; ИВ РАН, 1999.
21. Сапронова М.А. Электоральный процесс после «арабской весны» (модификация государственных институтов в арабских странах на примере Алжира, Египта, Ливии, Марокко, Сирии, Туниса). М.: Институт Ближнего Востока, 2015. С. 121–139.
22. Bigombe B., Collier P., Sambanis N. Policies for building post-conflict peace. Washington, D.C.: World Bank, 2000.
23. Bustos R. Le référendum sur la charte pour la réconciliation nationale en Algérie et ses textes d'application // L'Année du Maghreb. 2007. No. II. P. 223–229. Available at: <http://journals.openedition.org/anneemaghreb/109> (accessed: 19.05.2018).
24. Cassani A. Hybrid what? The contemporary debate on hybrid regimes and the identity question // Società italiana di scienza politica. 2012. Available at: <https://www.sisp.it/files/papers/2012/andrea-cassani-1445.pdf> (accessed: 02.05.2019).
25. Flores T.E., Nooruddin I. Democracy under the gun: Understanding post-conflict economic recovery // Journal of Conflict Resolution. 2009. Vol. 53. No. 1. P. 3–29. DOI: 10.1177/0022002708326745.
26. Galtung J. Peace by peaceful means: Peace, conflict, development, and civilization. London: Sage, 1996.
27. Galtung J. Three approaches to peace: Peacekeeping, peacemaking, and peacebuilding // Peace, war, and defense, essay in peace research. Copenhagen, 1976. P. 284–304.
28. Hagelstein R. Explaining the violence pattern of the Algerian Civil War. Households in Conflict Network. Institute for Development Studies. 1998. Working Paper 43. Available at: <http://www.hicn.org/wordpress/wp-content/uploads/2012/06/wp43.pdf> (accessed: 13.05.2018).
29. Hasan N., Hendriks B., Janssen F., Meijer R. Counter-terrorism strategies in Indonesia, Algeria and Saudi Arabia. Hague: Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael', 2012.
30. Kaye D.D., Wehrey F., Grant A.K., Stahl D. More freedom, less terror? Liberalization and political violence in the Arab world. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2008.
31. Le Sueur J.D. Algeria since 1989: Between terror and democracy. London: Zed Books, 2010.
32. MacQueen B. Political culture and conflict resolution in the Arab Middle East: Lebanon and Algeria. Melbourne: Melbourne University Press, 2009.
33. Moussaoui A. La concorde civile en Algérie. Entre mémoire et histoire // Où va l'Algérie? / Ed. by A. Mahioua, J.-R. Henry. Aix-en-Provence: Institut de recherches et d'études sur les mondes arabes et musulmans, 2001. P. 71–92. Available at: <http://books.openedition.org/iremam/399?lang=fr> (accessed: 20.05.2019).
34. Selby J., Tadros M. Introduction: Eight myths of conflict and development in the Middle East // IDS Bulletin. Ruptures and Ripple Effects in the Middle East and Beyond. 2016. Vol. 47. No. 3. P. 1–19.
35. Volpi F. Algeria versus the Arab Spring // Journal of Democracy. 2013. Vol. 24. No. 3. P. 104–115. DOI: 10.1353/jod.2013.0040.

A.I. Vasilenko

**THE LONG ECHO OF CONFLICT:
THE MEMORY OF 1990s BLACK DECADE
IN THE MODERN POLITICAL CULTURE OF ALGERIA**

*Institute of Oriental Studies
12 Rozhdestvenka Str, Moscow, 107031*

The contemporary political history of Algeria continues to draw attention of both Russian and foreign IR scholars. However, as a rule, they have focused primarily on internal political trends in Algeria in recent years or on the process of post-conflict reconstruction started in the country at the turn of the century. In contrast, the author stresses that in order to provide the correct understanding of dynamics of political processes in Algeria all these issues should not be viewed in isolation from each other. This paper examines the role of traumatic post-conflict experience in shaping modern Algerian political culture.

The author outlines four periods in the contemporary history of Algeria, each of them corresponding to different stages in post-conflict reconstruction of the country. In the first section the author examines initial steps taken by the Algerian government at the end of 1990s and in the mid-2000s in order to stop violence and re-establish the normal functioning of the authorities. The author emphasizes that the Algerian government combined measures directed at establishing a dialogue with the opposition and massive use of military force against radical Islamists. During the second stage of post-conflict reconstruction (the second half of the 2000s), the government had tried to consolidate the society while the third stage, which coincided with the Arab Awakening, was marked by governmental efforts to prevent a possible revolutionary outburst and new destabilization of political system. Finally, mass protests in Algeria in 2019 marked the beginning of the fourth stage of the process during which the national elites have made every effort to guarantee the maintenance of the constitutional order even in case of a rapid change of political regime. The author points out that a living memory of the civil conflict has played an important part in consolidating the Algerian society. On the one hand, this memory helped to keep protests on a peaceful, non-violent track. On the other hand, it pushed the elites towards a more flexible policy and search for a compromise with the opposition. One can notice that despite constant evolution of political situation in the country the legacy of the conflict has always had a considerable and continuous impact on the political process. This issue, even if it is not directly put on the agenda, is still guiding behavioral strategies of both the civil society and the elites.

Keywords: Algeria, post-conflict reconstruction, peacebuilding, historical memory, North Africa, the Arab Awakening.

About the author: *Anastasia I. Vasilenko* — Research Assistant at the Center for Arab and Islamic studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: avasilenkan@gmail.com).

REFERENCES

1. Bartenev V.I. 2018. 'Vzaimno garantirovannaya obstruktsiya'? Rossiya, strany Zapada i politicheskie dilemmy vosstanovleniya Sirii ['Mutually assured obstruction'? Russia, the West, and political dilemmas of Syria's reconstruction]. *Vestnik RUDN. International Relation*, vol. 18, no. 4, pp. 755–774. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-755-774. (In Russ.)
2. Baranovskii V.G., Naumkin V.V. (eds.). 2018. *Blizhnii Vostok v menyayushchemsya global'nom kontekste* [The Middle East in the changing global context]. Moscow, IV RAN Publ. (In Russ.)
3. Virabov A.G. 2001. *Alzhir: krizis vlasti* [Algeria: Crisis of power]. Moscow, IIMES Publ. (In Russ.)
4. Virabov A.G. 1998. Itogi i perspektivy liberalizatsii obshchestvenno-politicheskoi sistemy v Alzhire [Results and prospects of the liberalization of the socio-political system in Algeria]. In Seyranyan B.G., Filonik A.O. (eds.). *Arabskie strany Zapadnoi Azii i Severnoi Afriki (noveishaya istoriya, ekonomika i politika)* [Arab countries of West Asia and North Africa (contemporary history, economy and politics)], vol. 3. Moscow, IIMES, IV RAN Publ., pp. 111–115. (In Russ.)
5. Virabov A.G. 1996. K voprosu o smene obshchestvenno-politicheskoi sistemy Alzhira [On the changing of the socio-political system of Algeria]. In Seyranyan B.G., Filonik A.O. (eds.). *Arabskii mir v kontse XX veka* [The Arab world at the end of the 20th century]. Moscow, IMES, IV RAN Publ., pp. 38–46. (In Russ.)
6. Dolgov B.V. 2012. Alzhir [Algeria]. In Naumkin V.V., Popov V.V., Kuznetsov V.A. (eds.). *Blizhnii Vostok, 'Arabskoe probuzhdenie' i Rossiya: chto dal'she?* [The Middle East, 'Arab awakening' and Russia: What's next?]. Moscow, IV RAN Publ., pp. 189–203. (In Russ.)
7. Dolgov B.V. 2009. Alzhir v XXI veke: mezhdru demokratiei i radikal'nym islamizmom [Algeria in the 21st century: Between democracy and radical Islamism]. *RSUH Bulletin, Oriental Studies, African Studies*, no. 13/09, pp. 137–151. (In Russ.)
8. Dolgov B.V. 2015. Alzhirskii opyt v konfliktakh Arabskoi vesny [Algerian experience in the conflicts of the Arab Spring]. In Naumkin V.V., Malysheva D.B. (eds.). *Konflikty i voyny XXI veka (Blizhnii Vostok i Severnaya Afrika)* [Conflicts and wars of the 21st century (Middle East and North Africa)]. Moscow, IV RAN Publ., pp. 448–473. (In Russ.)
9. Dolgov B.V. 2004. *Islamistskii vyzov i alzhirskoe obshchestvo (1970–2004 gg.)* [Islamist challenge and the Algerian society (1970–2004)]. Moscow, IIMES Publ. (In Russ.)
10. Zheltov V.V., Zheltov M.V. 2015. Alzhir: reformirovanie kak proyavlenie arabskoi vesny [Algeria: Reforms as a consequence of the Arab Spring]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2-2 (62), pp. 33–38. (In Russ.)
11. Isaev L.M. 2013. Retsepty 'alzhirskoi vesny' [Recipes of the Algerian Spring]. *Neprikosnovenniy zapas: debaty o politike i kul'ture*, no. 1 (87), pp. 204–213. (In Russ.)
12. Kuprin A.I. 2004a. Alzhir: islamistskoe dvizhenie protiv respublikanskikh rezhimov [Algeria: Islamist movement against republican regimes]. *Rossiya i musul'manskii mir*, no. 12, pp. 108–118. (In Russ.)

13. Kuprin A.I. 2004b. Vlast' i islamistskaya oppozitsiya v Alzhire [Power and Islamist opposition in Algeria]. *Blizhnii Vostok i sovremennost'* [The Middle East and modernity]. Iss. 22. Moscow, IIMES Publ., pp. 250–274. (In Russ.)
14. Landa R.G. 2001. Islamskii terrorizm v Alzhire [Islamic terrorism in Algeria]. In *Islamiizm i ekstremizm na Blizhnem Vostoke* [Islamism and extremism in the Middle East]. Moscow, IIMES Publ., pp. 146–157. (In Russ.)
15. Landa R.G. 1999. *Istoriya Alzhira. XX vek* [History of Algeria. 20th century]. Moscow, IV RAN Publ. (In Russ.)
16. Landa R.G. 1998. 'Politicheskaya vesna' i grazhdanskaya voyna v Alzhire ['Political Spring' and the Civil War in Algeria]. *Strany Blizhnego Vostoka (aktual'nye problemy sovremennosti i istorii)* [Countries of the Middle East (Current issues of modernity and history)]. Moscow, IIMES, IV RAN Publ., pp. 85–102. (In Russ.)
17. Mironova E.I. 2004. *Alzhir: smena prioritetrov razvitiya* [Algeria: Changing development priorities]. Moscow, IIMES Publ. (In Russ.)
18. Mokhov N.V. 2016. Alzhirskoe gosudarstvo-natsiya: ot khrupkogo 'monolita' k konfliktnomu mnogoobraziyu [Algerian nation-state: From fragile 'monolith' to conflicting diversity]. In Tishkov V.A., Filippova E.I. (eds.). *Kul'turnaya slozhnost' sovremennykh natsii* [Cultural complexity of modern nations]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., pp. 241–273. (In Russ.)
19. Mokhov N.V. 2007. Politicheskaya sistema Alzhira: prichiny stabil'nosti [The political system of Algeria: The reasons for stability]. *Rossiia i musul'manskii mir*, no. 2, pp. 126–139. (In Russ.)
20. Sapronova M.A. 1999. *Politika i konstitutsionnyi protsess v Alzhire (1989–1999)* [Politics and the constitutional process in Algeria (1989–1999)]. Moscow, IIMES, IV RAN Publ. (In Russ.)
21. Sapronova M.A. 2015. *Elektoral'nyi protsess posle 'arabskoi vesny' (modifikatsiya gosudarstvennykh institutov v arabskikh stranakh na primere Alzhira, Egipta, Livii, Marokko, Sirii, Tunisa)* [Electoral process after the Arab Spring (Transformation of state institutions in the Arab countries: Cases of Algeria, Egypt, Libya, Morocco, Syria, and Tunisia)]. Moscow, Institut Blizhnego Vostoka Publ. (In Russ.)
22. Bigombe B., Collier P., Sambanis N. 2000. *Policies for building post-conflict peace*. Washington, D.C., World Bank.
23. Bustos R. 2007. Le référendum sur la charte pour la réconciliation nationale en Algérie et ses textes d'application. *L'Année du Maghreb*, no. II, pp. 223–229. Available at: <http://journals.openedition.org/anneemaghreb/109> (accessed: 19.05.2018).
24. Cassani A. 2012. *Hybrid what? The contemporary debate on hybrid regimes and the identity question*. Available at: <https://www.sisp.it/files/papers/2012/andrea-cassani-1445.pdf> (accessed: 02.05.2019).
25. Flores T.E., Nooruddin I. 2009. Democracy under the gun: Understanding post-conflict economic recovery. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 53, no. 1, pp. 3–29. DOI: 10.1177/0022002708326745.
26. Galtung J. 1996. *Peace by peaceful means: Peace, conflict, development, and civilization*. London, Sage.
27. Galtung J. 1976. Three approaches to peace: Peacekeeping, peacemaking, and peacebuilding. *Peace, war, and defense, essay in peace research*. Copenhagen, pp. 284–304.
28. Hagelstein R. 1998. *Explaining the violence pattern of the Algerian Civil War*. Households in Conflict Network, Institute for Development Studies. Working Paper

43. Available at: <http://www.hicn.org/wordpress/wp-content/uploads/2012/06/wp43.pdf> (accessed: 13.05.2018).
29. Hasan N., Hendriks B., Janssen F., Meijer R. 2012. *Counter-terrorism strategies in Indonesia, Algeria and Saudi Arabia*. Hague, Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'.
30. Kaye D.D., Wehrey F., Grant A.K., Stahl D. 2008. *More freedom, less terror? Liberalization and political violence in the Arab world*. Santa Monica, CA, RAND Corporation.
31. Le Sueur J.D. 2010. *Algeria since 1989: Between terror and democracy*. London, Zed Books.
32. MacQueen B. 2009. *Political culture and conflict resolution in the Arab Middle East: Lebanon and Algeria*. Melbourne, Melbourne University Press.
33. Moussaoui A. 2001. La concorde civile en Algérie. Entre mémoire et histoire. In Mahioua A., Henry J.-R. (eds.). *Où va l'Algérie? Aix-en-Provence, Institut de recherches et d'études sur les mondes arabes et musulmans*, pp. 71–92. Available at: <http://books.openedition.org/iremam/399?lang=fr> (accessed: 20.05.2019).
34. Selby J., Tadros M. 2016. Introduction: Eight myths of conflict and development in the Middle East. *IDS Bulletin. Ruptures and Ripple Effects in the Middle East and Beyond*, vol. 47, no. 3, pp. 1–19.
35. Volpi F. 2013. Algeria versus the Arab Spring. *Journal of Democracy*, vol. 24, no. 3, pp. 104–115. DOI: 10.1353/jod.2013.0040.